

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Введение	11
1 Мои ранние годы	21
2 Детство в Африке	37
3 Европа и начало войны	52
4 Британия и начало военной работы	67
5 Новая служба	80
6 Прощай, Англия	98
7 Здравствуй, Франция	116
8 Новая личность	130
9 Странная другая жизнь	145
10 Поймай, если сможешь	159
11 Арест и допрос в гестапо	176
12 День Д	188
13 Смерть и разрушения	197
14 Время уходить	217
15 Здравствуй, Англия	236
Эпилог	246
Благодарности	253
Приложение I. Сведения о службе и наградах Пиппы	269
Приложение II. Мемориалы агентам УСО	272
Приложение III. Женщины — агенты секции F	276

Эта книга — мемуары Пиппы, основанные в первую очередь на ее воспоминаниях, которые были дополнены, где возможно, историческими документами и информацией из других источников. Тем не менее пробелы в памяти неизбежны и не все детали поддаются проверке. Местами в интересах повествования диалоги были реконструированы.

ФРАНЦИЯ, 1940–1944

- Военная администрация в Бельгии и Северной Франции
- Территории, аннексированные Германией
- Зона немецкого расселения
- Итальянская оккупация после ноября 1942 года

- Прибрежная военная зона
- Демаркационная линия

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Специальной воздушной службе Новой Зеландии Пиппу очень любили. Хотя с годами женщина неизбежно постарела, ее дух оставался молодым. Помню, как на свой столетний юбилей она радостно сообщила, что прошла медицинское обследование и все еще может водить автомобиль.

Нас, сотрудников спецслужб, в первую очередь привлекали независимый характер Пиппы, ее нестигаемая воля, а еще — озорной блеск в глазах. Втайне мы все надеялись, что сможем в старости сиять хотя бы наполовину так ярко, как она. Но даже мы — как бы ни любили Пиппу и как бы ни доверяли нашему окружению — слышали лишь отрывки ее истории. Возможно, ее хороший друг, майор Дэвид Хопкинс, знал больше. Но Дэвид, преданный ей до конца, лишь намекал на ее подвиги — подробностей никогда не раскрывал.

Так что эта книга — уникальный шанс взглянуть на жизнь последнего агента Управления специальных операций Великобритании (УСО), действовавшего в тылу врага во Франции. Можно сказать, что, написав эту книгу, Пиппа исполнила свой последний гражданский долг, внесла последний вклад в свободу. Это удивительный рассказ одной из самых

замечательных женщин, которых я когда-либо встречал. Как однажды сказал Селвин Джепсон, офицер по отбору в Секцию F (Франция) УСО, «женщины способны на большее хладнокровие и смелость в одиночестве, чем мужчины». История Пиппы, мастерски рассказанная на следующих страницах, не оставляет никаких сомнений в истинности этого утверждения.

Наконец рассказав свою историю, Пиппа отдала дань уважения храбрым женщинам из УСО и их французским гражданским союзникам, которые пострадали — а зачастую и погибли — за нашу свободу. Надеюсь, что эта книга вдохновит других молодых людей, особенно женщин, проявлять мужество, отстаивать свои ценности и, столкнувшись с грозными испытаниями, обращать их в пламя.

*Крис Парсонс, член Новозеландского ордена Заслуг (MNZM),
кавалер ордена «За безупречную службу»,
командующий Особой воздушной службой Новой Зеландии
(2009–2011)*

ВВЕДЕНИЕ

Меня зовут Филлис Ада Латур, в последние годы жизни я была известна многим как Пиппа, и мне 102 года. Меня также знают и под другими именами — кодовыми и псевдонимами, — потому что во время Второй мировой войны я была секретным агентом. Это мои мемуары, в которых я наконец рассказываю историю того периода моей жизни, когда я работала в тылу врага во Франции 80 лет назад. Это та часть моей биографии, которую я до сих пор намеренно никому не раскрывала: ни мужу (когда он у меня был), ни детям — даже когда они стали взрослыми.

Скорее всего, так бы все и осталось, что вполне меня устраивало, если бы около 20 лет назад мой старший сын не наткнулся кое на что обо мне в интернете. Если бы не появился интернет — чего я, конечно, не могла предвидеть, когда в 1945 году приняла решение никогда не говорить об этом периоде моей жизни, — мое желание сохранить все в тайне, скорее всего, осталось бы неизменным. Я полагаю, то, что я делала на войне, никого не касается. Это мое личное дело. И только мое.

Моему сыну пришлось обсудить свою находку с младшим братом: он беспокоился, что у матери могут быть проблемы, — именно поэтому я никогда не говорила им об этих страницах своей биографии. Он прилетел в Новую Зеландию (где я сейчас живу, как и его младший брат), чтобы встретиться с братом. Они решили поговорить со мной и задали два очевидных вопроса. Та самая шпионка времен Второй мировой войны, Филлис Латур, и их мать с тем же именем — один и тот же человек? И если это так (как они и предполагали), почему я никогда им об этом не рассказывала? Я не могла обманывать сыновей, когда они спросили меня напрямую. До этого я просто выбирала, о чем им говорить, а о чем нет. Делилась только тем, что считала необходимым. Говорила, что была оператором заградительных аэроплатов Женской вспомогательной службы в Королевских военно-воздушных силах (RAF), и это не было ложью: я действительно проработала в этой должности три года. Я почти уверена, что рассказывала им и о своей более ранней работе в отделе документации Королевского флота. Но о том, что происходило на более поздних этапах войны и в Управлении спецопераций, я не упоминала. А мой бывший муж? Я решила ничего ему не говорить, потому что видела, как вольно он обходится с конфиденциальной информацией, которую ему доверяли другие. Я подумала: если он так обращается с чужими секретами, то уж точно не сможет сохранить мою тайну.

* * *

Прежде чем я начну рассказ о своей жизни, нужно немного пояснить, что такое УСО. В июне 1940 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль создал Управление специальных операций с использованием подпольной армии для ведения секретной войны на оккупированных врагом территориях Европы и Азии. Целью УСО были

шпионаж, саботаж и разведка в оккупированной Европе (а позже — и в Юго-Восточной Азии), а также поддержка местных движений Сопротивления. Существование этого управления намеренно держали в секрете. О нем не было широко известно, хотя в нем служило около 13 000 человек, из которых около 3200 были женщинами. Я была одной из них, и мне предстояло работать оператором беспроводной связи, или радистом, на севере Франции, чем я и занялась в 1944 году.

Тем, кому, как и мне, предстояло работать по ту сторону Ла-Манша, Черчилль дал указание «поджечь Европу». Проведение диверсий в тылу врага, передача разведанных в Англию требовали от нас смелости, стойкости и находчивости. Мы работали с местными силами Сопротивления, и это поднимало их моральный дух. Они справедливо задавались вопросом, когда же закончится эта ужасная война.

Во Франции, будучи другими личностями, с поддельными документами, мы, как агенты УСО, преодолевали сотни километров пешком, на велосипедах или на поездах, находясь под постоянной угрозой ареста гестапо в случае разоблачения. Это была изнурительная работа, которая всегда сопровождалась риском предательства со стороны двойных агентов и перебежчиков. Мы с трудом могли кому-то доверять.

В этом не было никакой романтики; не нужно думать обо мне или моих коллегах как о ком-то вроде агента 007. Наша работа заключалась в том, чтобы исчезнуть — слиться с окружением и не привлекать внимания. И уж точно это занятие не помогало обзавестись друзьями в высоких кабинетах; скорее наоборот. Отношения между УСО и Секретной разведывательной службой Великобритании (SIS, теперь известной как MI6) были довольно напряженными, и Министерству иностранных дел приходилось это учитывать. SIS относилась к УСО с некоторым подозрением. В то время я этого не знала, но сэр Стюарт Мензис, глава SIS, неодно-

кратно утверждал, что агенты УСО были «непрофессиональными, опасными и коварными», и говорил, что, когда мы взрываем мосты и фабрики, мы мешаем проведению их операций по сбору разведанных. SIS предпочитала работать тихо, через свои каналы связи и влиятельных людей, в то время как методы работы УСО были более прямолинейными. Мы также часто поддерживали антиправительственные организации, в частности коммунистов; во Франции я могла по-настоящему доверять только коммунистам. После войны я также узнала, что Командование бомбардировочной авиации и УСО не всегда сходились во взглядах.

Хотя все эти заинтересованные стороны оказывали огромное внутреннее политическое давление на формирующуюся организацию, у УСО был союзник — Черчилль; «Секретная армия Черчилля» не только выжила, но и процветала на протяжении всей Второй мировой войны. Во Франции нас тоже не ждали с распростертыми объятиями. Генерал де Голль никогда не горел желанием признавать нашу значимость, и мы остро чувствовали это на местах. Оглядываясь назад, я понимаю, что тогда, в 1944 году, вела странное и одинокое существование. Я могла полагаться только на себя. От представителей высших слоев британского истеблишмента до простых людей, с которыми я сталкивалась во Франции (включая тех, кто находился между этими двумя полюсами), доверяла я очень немногим. В мои 20 с небольшим эта привычка укоренилась во мне как базовый инстинкт выживания.

* * *

Перенесемся на 60 лет вперед. Мне 80, и я много лет спокойно, не вспоминая обо всем этом, живу в Новой Зеландии. Мои сыновья были поражены, когда узнали о моей службе, в связи с чем, честно говоря, между нами возникли разногласия. Им было обидно, что их мать решила не посвящать их

в свои секреты. Когда они пришли ко мне поговорить, я изо всех сил старалась объяснить, что я не просто так не хотела об этом рассказывать — причина была куда более серьезная. Я дала клятву не разглашать никакой информации о своей военной службе в УСО. Я знала, что должна сдержать обещание, а значит, не могла говорить об этом ни одной живой душе — даже в своей семье. Я обязана была соблюдать Закон о государственной тайне, и я не хотела рисковать. Эти истории были известны только мне и горстке доверенных людей, с которыми я тогда разделяла это адское существование. Мне не хотелось возвращаться к тому периоду. Я похоронила эти чувства. Воспоминания, заставлявшие меня просыпаться в поту, к тому времени стали редкими.

После войны я просто исчезла. Мне удавалось не привлекать к себе внимания в военное время, поэтому раствориться среди людей в послевоенной жизни было не так уж сложно. Кроме того, все это было крайне изматывающим — как морально, так и физически — и мне уже поперек горла стояли все эти двойные агенты, коллаборационисты и попытки выяснить, кому можно верить. Я вела свою собственную войну внутри войны — вот я во Франции, и даже среди французов я могла доверять только коммунистам. Сейчас люди этого не понимают, но тогда все было именно так.

Когда закончилась война, я была готова двигаться дальше и поклялась, что больше никогда не вернусь во Францию после того, как уехала оттуда в октябре 1944 года. И я сдержала слово. Меня не раз спрашивали, вернусь ли я, и ответ всегда был решительным: «Нет».

Я молчала о своем опыте, но другие, похоже, поступили иначе. Я слышала, что некоторые люди хотят получать медали за то, что они делали на войне; некоторые говорят неправду, а кто-то пишет неправду. Я просто думала: «Чушь — опять какая-то чушь!» Если уж решили об этом писать, то пишите правду — но правда некрасивая; она неприятная.

Эта книга рассказывает правду о моей войне. Я последняя живая женщина, работавшая в Секции F, и мне нужно рассказать о том, что тогда происходило, прежде чем я умру. Я хотела бы оставить после себя свою историю, чтобы молодые женщины могли узнать, каково мне было тогда.

* * *

Я горжусь тем, что была женщиной в мире, который был преимущественно мужским. Из 430 агентов УСО во Франции только 39 были женщинами, и 14 человек из нашей группы так и не вернулись. Мы все были очень разные — вероятно, потому, что отбирали кандидатов по способностям к языкам, а значит, среди нас не было обычных молодых англичанок. Мы были разного происхождения: британки, француженки, польки, финки, американки или, как в моем случае, южноафриканки. Мы были разной веры — иудейки, мусульманки, католички и т. д. Некоторые из нас были молоды и не замужем, другие уже обзавелись мужьями и детьми. Некоторые работали продавцами, другие — журналистами. У меня даже не было возможности устроиться на работу, потому что мне было всего 18, когда началась война, которая и оказалась моим главным делом.

Однако нас, женщин, объединяло одно: это была опасная работа и на нас возлагались большие надежды — именно мы могли сделать то, чего не могли наши коллеги-мужчины: выжить. Мы все знали, что ожидаемая продолжительность жизни мужчины-радиста в оккупированной Франции составляла всего шесть недель. Нам не раз объясняли, что шансы вернуться назад были приблизительно 50 на 50. Удивительно, что кто-то из нас действительно согласился на эту работу, — я не уверена, что сегодня мы решились бы на такое. Но в военное время все по-другому. Мы все вносили свой вклад и сражались за то, во что верили, давая отпор жестокому натиску врага.

В отличие от других спецподразделений, оперативники УСО носили гражданскую одежду. Один этот факт означал, что в случае захвата нас могли расстрелять как шпионов, и мы подвергались риску пыток со стороны оперативников гестапо, которые выуживали бы из нас информацию. Все это исходило из печально известного «Приказа о коммандос», который Гитлер издал в октябре 1942 года. Он гласил, что любой коммандос, или диверсант, взятый в плен, независимо от того, был ли он в форме или нет, будет считаться шпионом — даже если пытался сдаться в плен. Его должны были немедленно передать гестапо или СД (Службе безопасности рейхсфюрера СС — еще одной нацистской разведывательной организации) и срочно казнить.

Я никогда не могла отделаться от этой отвлекающей мысли. Как женщины, мы были еще более незащищены, если бы нас поймали и не казнили бы на месте. Со многими мужчинами — агентами УСО немецкие власти обращались гораздо лучше, чем с нами, — возможно, потому, что в то время на женщин не распространялась Женевская конвенция. Женщины из УСО, которые не выжили, умерли ужасной смертью, перенесли неопишуемые пытки.

Однако надежда была на то, что женщины обладают способностью лучше вписываться в общество и вызывать меньше подозрений. Мы также могли свободнее передвигаться: множество французских мужчин трудоспособного возраста были отправлены в Германию на принудительные работы, и потому любые новые мужчины вызывали среди местных явное недоверие. Указание использовать женщин исходило от самого Черчилля, и Селвин Джепсон, рекрутер французской секции УСО, поддерживал эту идею. После войны Джепсон говорил: «По моему мнению, женщины намного лучше мужчин подходили для этой работы. Женщины в большей мере, чем мужчины, способны на хладнокровие и смелость, когда действуют в одиночестве». Многие мужчины просто не верили, что жен-

щины могут служить в тылу врага. По их мнению, это было не место для прекрасного пола; они, вероятно, думали, что мы в любом случае на это не способны. Я, например, чувствовала это отношение и на разных этапах обучения, и «в поле» и всегда хотела доказать обратное.

Сбор разведданных с фронта был для военных действий так важен, что женщины внезапно стали полезны на передовой, а не только в тылу. Однако попасть в самую гущу событий было не так-то просто: уставы британской армии, флота и Королевских военно-воздушных сил запрещали женщинам участвовать в вооруженных боях. Политикам того времени требовался обходной путь — и мы присоединились к добровольцам из Корпуса сестер милосердия. Эта удивительная группа женщин заслуживает своего места в истории. Численность корпуса во Вторую мировую войну составляла 6000 человек, из которых 2000 были также и членами УСО. Я могла связаться с группой сестер милосердия УСО в любое время дня и ночи из оккупированной Франции, зная, что они услышат меня и ответят. Не могу передать, насколько эти замечательные женщины были важны для меня. Они были моей невидимой надежной опорой в Лондоне, частью тех прежних времен, о которых я часто вспоминала, задаваясь вопросом, смогу ли я когда-нибудь снова к ним вернуться.

* * *

Я была первой (и единственной) женщиной, которую американцы забросили в тыл врага в одиночку, и всего лишь второй женщиной, которая вообще когда-либо выполняла такую миссию. (Первой была Нэнси Уэйк — ее отправили туда на пару дней раньше меня.) Оказавшись там, я проводила дни, перемещаясь с места на место, используя разведывательную сеть «Сайентист» своего коллеги — агента УСО Клода де Бессака, лишь когда это было необходимо; в отли-

чие от других радистов — операторов беспроводной связи на том этапе войны, которые обычно оставались на месте и были привязаны к группе. Я также оказалась одной из последних женщин-агентов, покинувших Францию после ее освобождения.

Хотя я все еще считаю, что моя военная работа на самом деле никого не касается, я понимаю, что должна рассказать свою историю, прежде чем она умрет вместе со мной. В 2024 году, когда выйдет эта книга, исполнится 80 лет со дня высадки в Нормандии — и, возможно, тех из нас, кто вспомнит этот день, останется не так много. Я его помню.

Меня заверили, что Закон о государственной тайне больше не служит мне препятствием. Поэтому я хотела бы расставить точки над *i* (если где-то остались неточности) и рассказать свою собственную историю, которая, по моим ощущениям, происходила не так уж давно (хотя с тех пор прошло уже много десятилетий). Понимаю, что, если сам не выскажешься, эту пустоту заполнят другие и будут говорить то, чего никто не оспорит; причем они могут быть искренне уверены в своей правоте, тогда как на самом деле это не так. У меня до сих пор нет интернета, и он мне не нужен. Но я хочу, чтобы моя история была записана — для тех, кому интересно, что на самом деле происходило во время Второй мировой войны.

И чтобы просто предвосхитить ожидания — когда люди узнают мою историю, то часто спрашивают: «Сколько немцев вы убили?» Я всегда смотрю им прямо в глаза и говорю: «Ни одного». На самом деле, правильнее было бы ответить: «Напрямую — ни одного». Множество людей я убила косвенно, с помощью информации, которую отправляла в Англию и которая впоследствии приводила к воздушным атакам. Не знаю, разочаровываю ли я людей своим ответом. Мне кажется, довольно странно задавать такой вопрос человеку, которого едва знаешь. Смерть травмирует — чтобы

получить эту травму, не обязательно лично кого-то убивать. Я стала свидетелем более чем достаточного количества смертей и разрушений; иногда они происходили из-за меня, иногда вопреки мне, а иногда просто потому, что наступила среда и гестапо пришло в деревню, схватило наугад несколько человек и тут же их расстреляло. Помните: я не была шпионкой в духе Джеймса Бонда. Я была секретным агентом, чья работа заключалась в том, чтобы смешаться с толпой и сеять хаос.

Моя история началась в Южной Африке, прошла через множество стран и сменила много имен, прежде чем завершиться в Новой Зеландии 102 года спустя. Здесь я расскажу о некой Пиппе Латур, которая появилась на свет как Филлис в 1921 году и провела необычное детство в Африке, подготовившее ее к столь же необычной военной службе. Думаю, мне нравится быть немного необычной — даже сейчас. Мне это идет.

Пиппа Латур
Сентябрь 2023 года

МОИ РАННИЕ ГОДЫ

Я родилась на пристани в порту южноафриканского города Дурбана. Утром 8 апреля 1921 года, все еще находясь в море у берегов Южной Африки, моя мать почувствовала знакомую боль первых схваток. Было еще слишком рано, поэтому я совершенно уверена, что ее сердце ушло в пятки, когда случайные толчки стали регулярными, ведь она была всего лишь на седьмом месяце беременности: опасная ситуация и для нее, и для ребенка.

Мама наверняка предполагала, что я могу появиться на свет раньше срока, ведь я ее третий ребенок, а оба предыдущих родились преждевременно. Тем не менее предсказать такие вещи всегда тяжело, и, возможно, она подумала: «Бог любит троицу» — может быть, на этот раз ребенок все-таки дотянет до девяти месяцев. Но, увы, этого не произошло. Хотя на борту оказался врач, он мало чем мог помочь женщине, у которой начались роды, да еще и преждевременные, — только уговаривать капитана как можно скорее идти к пристани. К счастью, судно и так приближалось к Дурбану, где должно было пришвартоваться позже в тот же день.

Пока корабль спешил в порт, капитан и судовой врач обсуждали, как поступить. Оставить мою мать на борту и принимать роды там? Или как можно скорее перевезти в местную больницу и переложить ответственность на кого-то еще? Несомненно, споры были напряженными и, возможно, не без участия моего отца, который и сам врач. Но младенцы рождаются по собственному расписанию, и я не стала исключением. Подождав некоторое время, чтобы понять, будут ли роды продолжаться в том же темпе, они все-таки решили перевезти маму с корабля в местную больницу. Решение казалось логичным: речь шла не только о здоровье матери, но и о недоношенном ребенке, подверженном риску медицинских осложнений. Но промедление стоило дорого: момент моего появления на свет оказался ближе, чем все ожидали.

Когда события приняли этот неожиданный оборот, маму переложили на что-то вроде медицинских носилок и поспешно понесли к трапу. В процессе этого короткого путешествия с корабля на берег моя головка уже появилась, и я родилась прямо на пристани. Это были очень публичные и очень быстрые роды.

* * *

Я прожила жизнь, полную риска, трудностей, неопределенности и нестабильности. Она никогда не была простой. Однако, оглядываясь назад, я понимаю, что жизнь моих родителей тоже нельзя назвать обычной и то, что происходило с ними, очень сильно повлияло на меня.

То, что папа, француз Филипп Латур, стал врачом, было большим шагом вперед и предметом гордости для его семьи.. Его отец был крестьянином и вел скромный образ жизни, но понимал, что путь к лучшей жизни для детей лежит через образование. Он стал бакалейщиком и в тяжелые для Франции времена даже ездил в Соединенное Коро-

левство, чтобы привезти картофель для продажи. Упорный труд окупился, и он смог оплатить обучение Филиппа и его брата Роберта в медицинской школе.

Моя мать Луиза Беннетт — британка, но ее родители французского происхождения. В детстве она сначала жила на Маврикии, а затем переехала в Южную Африку, а каникулы, я уверена, проводила во Франции в окружении своей большой семьи. У нее была старшая сестра Ада, которая всю жизнь прожила на Африканском континенте.

Еще до того, как родители поженились, у мамы уже была дочь — не от моего отца. Хотя в свидетельстве о рождении Сильвии указано, что ее отец «неизвестен», на самом деле его звали Коэн и он был голландским евреем, который тогда жил в Южной Африке. Он происходил из чрезвычайно богатой семьи, связанной с алмазодобывающей компанией De Beers. Мне не известно точно, сколько лет было моей матери, когда они познакомились, но знаю: его родители ясно дали понять, что не одобряют их роман. В Голландии у них имелась на примете порядочная еврейская девушка, и они сразу же начали готовить своего сына к переезду, намереваясь поставить точку в его отношениях с моей матерью. Могу лишь представить, что они с мамой пережили, когда было решено, что он должен покинуть страну. Такие были времена: при выборе супруга решающим правом голоса обладали родители. Только самые смелые могли пойти наперекор семейным традициям или решению, которое родители сочли наилучшим.

Но в судьбу вмешалась Первая мировая война, и молодого Коэна призвали на службу. Я не знаю деталей произошедшего, но вскоре после отправки в армию он был убит. Я уверена, что мама, узнав о его смерти, была совершенно опустошена. Вскоре ей предстояло пережить еще один напряженный и переломный момент: она узнала, что беременна. У меня нет на этот счет никакой точной информации, но я задаюсь вопросом: может быть, эта беременность

вовсе не стала для нее неожиданностью и она втайне надеялась, что ребенок от Козна будет весомой причиной остаться вместе?

Была ли беременность запланированной или нет, молодой незамужней матери в 1914 году в любом случае приходилось нелегко. Позором клеймили и мать, и ребенка. Аборт был незаконным, а подпольные операции — крайне опасными. Оставалось лишь два варианта: отдать ребенка на воспитание или договориться об усыновлении. Официальной процедуры усыновления в Южной Африке не существовало до 1923 года, а в Соединенном Королевстве — до 1926 года, поэтому женщинам приходилось придумывать обходные пути, когда это было возможно, и самостоятельно отыскивать пары, готовые принять младенца. Единственным реалистичным вариантом, как правило, была опека: ребенка отдавали в приемную семью за плату, оставляя за собой право его навещать. Истории о детях, страдающих от недоедания в приемных семьях, были обычным делом. Некоторые бедные женщины не могли смириться с тяжелым выбором, который стоял перед ними, и решали действовать самостоятельно. Уровень смертности среди незаконнорожденных детей во время Первой мировой войны был вдвое выше, чем среди остальных. Печальная судебная статистика за XIX век показывает: половину жертв убийств в то время составляли младенцы.

Моя мать прекрасно понимала, что детям, рожденным вне брака, грозит постоянное осуждение. Ребенок, которого она вынашивала, к тому же был наполовину евреем, что сулило дополнительные неприятности. Вдобавок ко всему внебрачные дети, или бастарды, как их тогда называли, не могли ничего унаследовать и часто оставались бедны как в детстве, так и во взрослой жизни. Мама думала, что ее незаконнорожденный ребенок будет изгоем в богатой семье ее отца. Однако в ее пользу говорили два обстоятельства.

Моя тетя Ада хотя и была тайной лесбиянкой, была замужем. В те времена нетрадиционная ориентация считалась преступлением и каралась тюрьмой с каторжными работами — такие факты держали в секрете. Для Ады появление ребенка, рожденного ее сестрой, вполне могло послужить доказательством, что она ведет обычную семейную жизнь. Таким образом, Ада и ее муж, горный инспектор Джордж Фрислаар, могли дать Сильвии стабильный дом, а моя мать могла жить своей жизнью, зная, что о ее ребенке заботятся и она все еще может участвовать в его судьбе. Это было идеальным решением в столь деликатной ситуации.

Второе обстоятельство — реакция семьи отца ребенка. Она оказалась необычной: узнав, что у Коэна скоро родится дочь, родственники со стороны отца предложили финансовую помощь. Когда Сильвия стала достаточно взрослой, чтобы начать обучение в школе-интернате, семья Коэна его оплачивала, а на каникулы девочка возвращалась в дом Ады.

Коэн-старший оказался хорошим человеком, он заботился о моей матери — а не только о своей родословной. Мама была шляпницей по призванию, а в 1910-х и 1920-х годах шляпы служили обязательным атрибутом любой хорошо одетой дамы; это была хорошая профессия. Моя мать специализировалась на изготовлении панам и достигла в этом деле мастерства. Чтобы обеспечить ей стабильный доход, мистер Коэн выкупил компанию по производству шляп, в которой она работала, а затем и вовсе подарил ей бизнес.

Все сложилось для моей матери гораздо лучше, чем можно было бы ожидать для одинокой беременной женщины в начале Первой мировой войны. За ребенком присматривала ее сестра; сама она жила неподалеку, а потому могла видеть, как дочь взрослеет, и принимать участие в ее жизни; образование дочки оплачивал дедушка по отцовской линии; к тому же сама она получила в собственность бизнес по производству шляп.

* * *

Я не знаю наверняка, что заставило мою мать отправиться из Южной Африки во Францию, но какая-то причина явно существовала. Судьба распорядилась так, что там она встретила и полюбила моего отца, в то время студента медицинского факультета. Они поженились и обосновались во Франции. Вскоре появился ребенок — моя старшая сестра Эйлин. Я не знаю точную дату ее рождения, но она была на три-четыре года старше меня, так что, должно быть, родилась в 1917 или 1918 году.

Филипп был врачом, и во Франции это означало работу в больнице. Эта перспектива не сулила ему никакой радости. С женой, маленьким ребенком и еще одним (мною) на подходе, он хотел начать все сначала. После ужасов Первой мировой войны они с надеждой смотрели в будущее, мечтая о стабильных, жизнерадостных и процветающих 1920-х. Как и многие измученные войной, Филипп видел новые горизонты для исследования, новые возможности для путешествий и новой жизни. Филипп был католиком и обратился к местным священникам, зная, что католическая церковь ищет врачей для отправки в колонии: и для того, чтобы помочь укомплектовать персоналом больницы, и для другой, негласной миссии — распространения христианской веры.

Идея поехать в Африку не была для моих родителей совсем уж неожиданной. Это давало моей матери шанс быть рядом со своей единственной сестрой Адой, жившей в Мейзенберге (приморском пригороде Кейптауна), где она воспитывала мою единоутробную сестру Сильвию, которой к тому времени исполнилось около шести или семи лет. У моего отца также была двоюродная сестра, Жаннин Латур, с которой они были очень близки. Она жила в Бельгийском Конго со своим мужем Альдо, врачом из Италии, и их тремя сыновьями. Филипп и Луиза обратились к представителям церкви с просьбой разместиться в районе Катанги, чтобы

быть поближе к Жаннин и Альдо, и, когда получили согласие, их переезд из Франции в Африку стал решенным делом. Еще до моего рождения родители выбрали Жаннин моей крестной матерью — зная, что их ребенок родится в Африке и будет расти как часть большой семьи Латур.

Хотя в этом новом приключении было много захватывающего, они решили, что неразумно сразу брать с собой маленького ребенка: ведь будущее место так отличалось от привычной Франции. Поэтому они сочли уместным, что юная Эйлин останется во Франции с бабушкой и дедушкой по отцовской линии, пока ее родители не устроятся с новым ребенком, после чего девочка присоединится к семье. Так началось путешествие моих родителей в Африку — и их новая жизнь. Марсель, откуда они отправлялись, был оживленным городом на юго-восточном побережье Франции. В то время это был второй по величине город страны и крупнейший на побережье Средиземного моря. Торговый порт связывал Французскую империю с ее североафриканскими колониями — Алжиром, Марокко и Тунисом. Где-то в марте 1921 года Луиза и Филипп сели на борт «Гран Дидье», направлявшегося в Дурбан в Южной Африке; путешествие могло занять несколько недель. Поскольку и Сильвия, и Эйлин родились раньше положенного срока, мои родители предусмотрительно оставили себе достаточно времени, чтобы совершить морское путешествие, а затем добраться поездом на север, в Катангу, до того, как появится их будущий ребенок. Они хотели как следует обосноваться на новом месте, рядом с кухней Жаннин и ее мужем Альдо, прежде чем я появлюсь на свет.

Но у меня, похоже, были другие планы.

* * *

Сразу после моего рождения разгорелась оживленная дискуссия о том, какое гражданство давать ребенку. Если бы мою мать оставили на борту зарегистрированного в Бельгии

судна немного дольше, я была бы бельгийкой. Но поскольку пуповину перерезали на южноафриканской земле, это сделало меня южноафриканкой. По-видимому, спорили много и серьезно о том, какие правила следует применить в этой необычной ситуации. Может быть, у меня должно быть и бельгийское, и южноафриканское гражданство? Ведь, если бы я родилась на несколько минут раньше, это произошло бы на бельгийском судне в южноафриканском порту.

По французским законам я, как ребенок, родившийся за границей, должна была принять гражданство моего отца-француза. Но ситуацию запутывало то, что моя мать — британка, и, конечно, их законы *просто обязаны* были отличаться от французских. Их позиция состояла в следующем: если ты родился на британской земле, ты британец — а в то время Южная Африка была доминионом в составе Британского Содружества. После довольно длительных споров в конечном итоге решили, что я получу гражданство Южной Африки.

Эту смесь национальностей и культур я всегда воспринимала как важную часть своей личности. Возможно, это не было столь уж необычным, учитывая запутанную природу нашего мира и то, кто контролировал разные страны в то время. Хотя моя мать провела большую часть своей дальнейшей жизни в Южной Африке, родилась она на острове Маврикий — британской территории у юго-восточного побережья Африки — и поэтому считалась британкой. Британское правление продолжалось там с 1810 по 1968 год, когда Маврикий наконец получил независимость. Но до 1810 года остров был французской колонией, поэтому родители моей матери считали себя французами и, как и многие другие, никогда не отказывались от своих французских паспортов. Статус британской колонии вовсе не означал, что все местные жители внезапно почувствовали себя британцами. Так что мое наследие — это смесь английской, французской

и африканской культур... но мое официальное гражданство — южноафриканское, ведь именно там я родилась.

Первый месяц своей жизни я провела в больнице в Дурбане. Если учесть, что я родилась на два месяца раньше срока, довольно примечательно, что я провела там всего один месяц; даже тогда я, должно быть, была «стойким оловянным солдатиком». Мама, кажется, остановилась тогда у своей старой школьной подруги, либо у тети Нелли, которая жила в Дурбане напротив ипподрома Hollywoodbets Greyville, либо у Нэнси Кокран, чей дом находился в пригороде Оверпорт, примерно в трех километрах от города. Мама вовлекала своих близких школьных подруг во все важные моменты своей жизни: некоторые из них были подружками невесты, а когда у нее рождались дети, становились крестными. Быть крестной матерью в те дни означало большую ответственность, нечто вроде опеки: если что-то вдруг случилось с родителями, именно крестные брали на себя заботу о ребенке, поэтому выбирали их очень тщательно и относились они к своей роли со всей серьезностью.

Думаю, что поддержка моих крестных Нелли и Нэнси была очень важна для моей матери, когда ее недоношенный ребенок лежал в больнице, а сама она восстанавливалась после тяжелых родов. Мой отец в одиночку уехал в Бельгийское Конго, чтобы выйти там на новую работу. В начале мая 1921 года меня признали достаточно здоровой, чтобы выписать из больницы, и мы с матерью отправились на поезде на север, чтобы в Бельгийском Конго воссоединиться с отцом и начать новую главу семейной жизни.

Отца направили в Жадовиль, ныне известный как Ликаси. Это был крупный центр, окруженный множеством горнодобывающих предприятий, и располагался он в стране, которая сейчас называется Демократической Республикой Конго. Небольшие окрестные деревни были не развиты, как и следовало ожидать, и там явно не хватало медицинской помо-

щи. Другой вопрос, хотели ли сами местные жители этой помощи. В каждой деревне был свой знахарь-колдун. Этих людей почитали и уважали: они исполняли роль и традиционных целителей, и духовных наставников. Считалось, что они обладают знаниями о лекарственных травах, магии и религиозных практиках, поэтому люди верили, что они могут лечить болезни и защищать от злых духов. Также считалось, что у них есть дар пророчества. В целом это были важные и влиятельные фигуры, лидеры в своих деревнях. Своей властью они успокаивали или разжигали разногласия — даже просто указав на кого-то костью, могли подписать смертный приговор.

Кажется довольно очевидным, что присутствие католических врачей, присланных из Англии, чтобы «исправить» коренное африканское население, с самого начала вызывало неприязнь и рассматривалось как угроза власти местных колдунов. Африка жила с этой системой врачевания на протяжении тысяч лет, поэтому неудивительно, что между сторонниками знахарей и британским медицинским персоналом возникали острые конфликты, какими бы благими намерениями последние ни руководствовались. Многие представители сельского населения Африки по понятным причинам не хотели отказываться от практик своих предков. К тому же сами колдуны внушали людям, что эта новая западная медицина не только бесполезна, но и может быть опасной. Так создавалась почва для многочисленных выступлений знахарей и их сторонников против миссионеров в больницах и церквях, которые осмеливались предлагать новый путь.

Мать с отцом всего месяц пробыли вместе в их новом доме в Бельгийском Конго, когда папа почувствовал, что напряжение нарастает, и решил, что нам с мамой лучше уехать на неделю (а то и на три), пока ситуация не разрешится. Нас в спешке посадили на поезд и отправили в Була-